

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470)''16'':910

СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ МОСКОВИИ ИНОСТРАННЫМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ В XVII В.

Е. Е. Вахрамеева

Предпринимается попытка изучить механизм формирования стереотипов восприятия Московского государства XVII в. иностранными путешественниками. Особое внимание уделено выявлению различных коннотаций категории «варварство», наиболее распространенного в записках европейцев.

Ключевые слова: история России XVII в., европеизм, «варварство», стереотип, коммуникация, феномен.

В XVII в. значительное количество европейцев смогло лично познакомиться с жителями и положением дел в Московском государстве. Военные действия с Речью Посполитой и Швецией, наличие природных запасов, необходимых для европейских мануфактур, борьба купеческих союзов за новые рынки сбыта, привлечение царем на службу иностранных специалистов способствовали росту интереса к Московскому государству как среди европейских правителей, так и обычных жителей. По подсчетам Е. Д. Сташевского, только за время Смоленской войны 1632–1634 гг. в Россию въехало около 3800 немецких наемников¹. А в течение всего столетия лишь торговых людей из Европы в Московии побывало 1361 человек. Общая же численность всех выходцев из Западной Европы в России, включая прислугу, с середины 1620-х до второй половины 1690-х гг. колебалась от одной до двух с половиной тысяч человек². Некоторые из них оставили записки, которые позволяют нам увидеть московское общество глазами европейца XVII в.

Особенной активностью в выстраивании взаимоотношений с Московским государством отличались Великобритания и Республика Соединенных Нидерландов, которые на протяжении всего столетия конкурировали за ведущее место во внешней торговле Московии. Поэтому большинство записок о Московском государстве оставили именно голландцы и англичане, хотя на сегодняшний день мы имеем возможность исследовать переведенные на русский язык сочинения шведов, поляков, голштинцев и жителей немецкоговорящих государств, изучать их впечатления, переживания и возможные стереотипные конструкции в восприятии москвитов.

Данная статья посвящена исследованию категории «варварства» в сочинениях иностранцев, что предполагает ответы на три вопроса. Какое поведение москвитов воспринималось и обозначалось европейцами как «варварское»? Возможные источники данных установок? Какие противоречия встречаются при описании «варварской» московской действительности?

Для анализа восприятия иностранцев и рассмотрения категории «варварство» были выбраны сочинения выходцев из европейских государств, посетивших Московию в период с 1634 по 1666 г., а именно «Описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию»³ секретаря Адама Олеария; «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича»⁴; «Путешествие в Московию, 1664–1665 гг.»⁵ члена голландского посольства Николаса Витсена.

В качестве вспомогательных были использованы труды более раннего и позднего периода: «Дневник 1609 г.»⁶ военного поляка Самуила Бельского (точное авторство до сих пор не установлено); «Известия о бедах России 1614 г.»⁷ военного наемника из Англии Генри Бреретона; «Дневник»⁸ польского священника, участника свиты Марины Мнишек, Яна Велевицкого; «История шведско-московитской войны 1671 г.»⁹ шведского придворного историка Юхана Видекинда; «Посольство А. Бурха и А. Фелтдриля к царю Михаилу Федоровичу 1630 и 1631 гг.»¹⁰ голландских послов Альберта Кунратса Бурха и Иогана ван Фелтдриля.

Для вспомогательных работ характерно деловое содержание, отвечающее основным целям сочинений, в частности описание военных событий у Самуила Бельского, приезд Марины Мнишек, убийство Лжедмитрия и чудеса после его смерти у Яна Велевицкого, события русско-шведской войны в период Смутного времени и права шведской короны на московские северо-западные земли у Юхана Видекинда, посольский отчет о пребывании нидерландской делегации у Альберта Кунратса Бурха и Иогана ван Фелтдриля. Данные авторы сообщают краткие, но точные сведения, факты и наблюдения, не вдаваясь в общие рассуждения. Отличается от всех труд Бреретона, так как написан для занимательного чтения аристократических кругов, в частности для фаворита Якова I, государственного секретаря Роберта Кара. «Известия о бедах России» написан в форме романа, а потому содержательно сосредоточен на описании придворных событий, переживаний и поступков сановников, в том числе царя, имеет много выдуманных исторических неточностей. Труд интересен тем, что московиты предстают в нем не в образе страдающего народа. Смуту в России Бреретон сравнивал с превращением всей страны в «горестную сцену»¹¹, на которой актеры играют под аплодисменты «свои кровавые роли»¹². «Варварским» Бреретон характеризовал поведение поляков в период Смуты по отношению к московским жителям. Вообще, начало XVII в. стало временем англо-русского культурного сближения, однако разрыв дипломатических отношений правительства Алексея Михайловича с революционной Англией и изгнание английских купцов из России значительно уменьшили интерес Туманного Альбиона к Московии.

Сочинения Олеария, Витсена и Коллинса отличает от вспомогательных работ богатый фактический материал, обилие географических и антропологических данных, которые можно почерпнуть только из данных трудов, находящие подтверждение и аналогии в фольклоре и русских письменных источниках, а также важный элемент для исследования – фиксация личного отношения или впечатления иностранцев от увиденного. Кроме того, они постарались дать целостную картину московской действительности, отметив характер власти царя, военный строй, судебные порядки, экономику, культуру страны, церковную организацию, праздники и свадебные обряды, различные бытовые сцены, не ограничиваясь только официальными задачами своего пребывания.

Энциклопедичность сочинений, которая до сих пор поражает исследователей, имеет свои причины, связанные с образованием, социальным статусом авторов и достаточно зрелым возрастом, в котором они прибыли в Московское государство. Олеарий первый раз приехал в Москву в возрасте 35 лет, Коллинс в 40 лет. Витсен выделяется своим ранним возрастом, он прибыл в Москву в 25 лет, однако ко времени путешествия имел опыт участия в посольстве в Англию и защитил диссертацию по правоведению, получив диплом доктора права в Лейденском университете. Все трое являлись представителями образованной части европейского общества, обладали широкой эрудицией, любопытством и наблюдательностью, да к тому же были яркими личностями своего времени.

Одним из главных источников сочинений Олеария, Коллинса и Витсена была информация, полученная в ходе тесного общения с иностранными купцами, офицерами на русской службе, послами других государств, местными священниками и торговцами, а также придворными. Для нас эти труды ценны тем, что они содержат развернутые наблюдения окружающей действительности, личные оценки, а также неоднократно используют термин «варварство» по отношению к московскому быту и жителям.

Интересно то, что восприятие и оценка Коллинса, проработавшего при дворе Алексея Михайловича девять лет, часто совпадают с мнением Олеария и Витсена, которые находились в Москве в течение нескольких месяцев. Все они неоднократно отмечали «варварство» нравов и быта жителей Московского государства. В целом можно предположить наличие «варварства» в качестве этнокультурного стереотипа в восприятии московитов у определенной категории европейцев. Под этническим (или этнокультурным) стереотипом понимается обобщенный образ «чужого» народа, включающий в себя неосознанное приписывание какого-либо свойства всем его объектам, объединяемых с помощью этнонима или конфессионального названия, а также упрощение и сведение к шаблону всего многообразия информации о данном народе. Еще до контакта одного народа с другим уже имеется представление о том, что самим народом или этносом не называется, то есть представление о «чужом». Так как этнокультурные стереотипы существуют а priori, то представление о «чужом» либо полностью, либо частично противоречит реальным фактам¹³.

Этнокультурным стереотипам присуще широкое распространение и повторяемость, а также большая степень устойчивости к изменениям. Каждая традиция создает портрет «чужака», опираясь на «свою» систему представлений и ценностей¹⁴. В основе содержания стереотипа лежит мифологическое мышление, в котором «чужой» связан с потусторонним миром и зачастую не является живым, то есть принадлежащим реальному миру. В связи с этим познавательный компонент этнических стереотипов может проявляться в формировании предрассудков, предрассудков, суеверий с преобладанием негативной оценки в отношении «чужих»¹⁵.

Как в современном мире, так и в XVII в. существовало множество этнокультурных стереотипов. Чем удаленнее было государство, чем меньше оно было вовлечено в торговые или международные отношения, тем больше мифов и легенд рождалось вокруг него и его жителей. Витсен был немало поражен как гражданин республики Соединенных Нидерландов, находящихся по соседству с германскими землями, когда московские приставы поинтересовались «слыхал ли он, что германский император создал в своих войсках целые полки длинношеих, очень некрасивых мужчин, с носами длиной в локоть»¹⁶. Хотя Витсен и удивлялся тому, что «в подобные шутки эти добрые люди верили всерьез»¹⁷, сам он не в меньшей степени был подвержен вере в такие рассказы, например о народах, населяющих восточную часть Московского государства¹⁸. Так, по его мнению, «татары восточнее Казани – это когда-то вывезенные племена евреев»¹⁹.

Интересным является факт, что в XVI–XVII вв. издавались особые словари метких выражений, предназначенные для проповедников, литераторов, актеров. В них есть наставления, какие прилагательные стоит употреблять для характеристики различных народов. Согласно «*Erithetarum Thesaurus*» 1595 г. Иоганна Равизиуса Текстора, для галлов подходящими были следующие определения: мужественные, грозные, воинственные, враждебные римлянам, алчущие оружия, мятежные, суровые, глупые, сильные, робкие, стремительные, живые. Для германцев: непобедимые, жестокие, могущественные, воинственные. Испанцы представлялись как продажные и свирепые.

Предположение о «варварстве» москвитов как этнокультурном стереотипе в сочинениях Олеария, Коллинса и Витсена связано с тем, что зачастую в них оценки противоречат наблюдениям самих авторов. А анализ сюжетов или того, что особенно привлекло и стало предметом описания путешественников, показал специфические установки, с которыми данные путешественники приехали в Московию, существование границ восприятия реальности. Исследование того, что осталось незамеченным или не записанным в сочинениях иностранцев о Московии, но что подтверждается другими источниками, служит также аргументом в пользу наличия определенных рамок восприятия у Олеария, Коллинса и Витсена, через которые шла фильтрация наблюдаемой информации.

Фраза Олеария о том, что «когда наблюдаешь русских в отношении их душевных качеств, нравов и образа жизни, то их, без сомнения, не можешь не причислить к варварам»²⁰, могла органично смотреться во всех трех сочинениях. Согласно анализу записок, иноземцы в тематическое поле понятия «варварства» включали:

- способы общения между жителями Московии и отсутствие/наличие норм и правил поведения друг с другом в публичных местах;
- правила этикета;
- мастерство исполнения произведений искусства (произведения духовной и светской живописи, музыкальные вкусы и качество исполнения музыки для отдыха);
- приготовление и употребление пищи;
- досуг;
- уровень научных знаний, владение иностранными языками;
- религиозные нормы поведения;
- мастерство в ремеслах;
- степень автономности человека перед государством, его юридические права и обязанности.

Необходимо отметить, что выделенные путешественниками явления московской реальности трудно поддаются оценке, вернее трудно определяемы как «хорошие» или «плохие», «варварские» или «неварварские». Критерии качества, например вкусовые, музыкальные пристрастия, произведения искусства, отличаются субъективностью и никак не могут претендовать на универсальность, а зачастую зависят не только от мастерства исполнения, но и от способности понимания и чувствования данного явления. Конечно, с наличием научных знаний или законов должно быть проще, ли-

бо они существуют, либо нет, но и здесь появляется множество вопросов, например степень осознанности населением этих законов и необходимости для данной исторической обстановки и т.д.

В Московском государстве первое в европейском сознании и понимании учебное учреждение открылось в 1687 г. – Славяно-греко-латинская академия. Однако знания о мире и передача их другим поколениям существовала и ранее. В отличие от Европы это были не светские учреждения, а монастыри, являвшиеся центрами распространения не только религиозных знаний, но и музыкальной, книжной, медицинской культуры. Примером уже в XVII в. может служить активная образовательная деятельность Андреевского монастыря, в котором преподавали закончившие киевское братское училище и европейские курсы Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский. Профессиональные знания передавались от поколения к поколению, обучение было распространено в форме самообучения или через наставников в монастырях, ремесленников, к которым отправляли учиться не только определенному виду ремесла, но и грамоте, а также людей, обладавших необходимыми знаниями. Поэтому при анализе описанных явлений акцент будет ставиться на выявлении критериев «варварства» в трудах самих путешественников, что лежало в основании их выводов, на чем строилась их аргументация, образы сравнения с родной им действительностью.

Главное, что больше всего возмущало иностранцев и за что они критиковали москвитов и называли народом «варварским», – неразвитость научных знаний и неграмотность населения, «так как ведь никто из русских, ни духовный ни мирянин, не знает иного языка, помимо родного, кроме языка славянского»²¹, и «видя в науках чудовище, боится их как огня»²². Коллинс возмущался тем, что голландцы изображают англичан «в виде бесхвостого льва с тремя опрокинутыми коронами и множества больших собак с обрезанными ушами и хвостами»²³, а москвиты, как народ «варварский», воспринимают эту информацию. Витсен, разозленный тем, что дьяк Алмазов запретил изучать ему русский язык во время его пребывания в Москве, написал в сердцах: «тупые скоты: сами невежественные и другим не позволяют чем-то заняться для развития ума»²⁴.

Согласно аргументам иностранцев «русские остаются невеждами и грубыми людьми» или «варварами», так как «вовсе не любят свободных искусств и высоких наук и не имеют никакой охоты заниматься ими»²⁵. Хотя данное утверждение принадлежит Коллинсу, его вариации можно найти и у Олеария, и у Витсена. Поэтому рассмотрим его подробнее. Данное утверждение содержит в себе некий идеал или ожидание определенной социальной модели поведения от москвитов, а именно развитие науки на уровне европейских стран, а также организации обучения по европейскому образцу классно-урочной системы и популяризации светских образовательных и исследовательских учреждений. Не стоит забывать чисто субъективные причины данного утверждения, связанные с уровнем образования самих иностранцев. Как правило, неграмотные представители низших социальных групп не имели возможности ездить с дипломатическими поручениями в другие страны, соответственно их ожидания от московских жителей были бы совершенно другими.

Кроме того, в данной фразе прослеживается типичный для европейцев XVII в. европоцентризм, заключающийся в превозношении ценностей своего общества и непринятии ценностей другого социума. Помимо европоцентризма необходимо отметить и проявление феномена мегаломании (самовозвышение), как со стороны европейцев, так и со стороны москвитов, которые считали всех, кто не принадлежал к православной вере, «варварами», о чем упоминал и немало возмущался Олеарий. В частности, он писал, что «они одни – люди умные и с тонким пониманием, а все остальные – негрыки – варвары»²⁶. Таким образом, восприятие «иных» ценностей в качестве «варварских» было взаимным. Этот момент очень интересен и отмечен Коллинсом: «Русские стоят во время молитвы, считая коленопреклонение телодвижением неблагородным и варварским, потому что последователи латинской церкви становятся на колени»²⁷. Олеарий, упоминая о том, что москвиты считают «варварством», не дает внятных аргументов для понимания их позиции. Кроме того, европейцы описывали московскую реальность терминами своей культуры, которая предусматривала наличие «варваров» и «не варваров».

По мнению Олеария, связь между москвитами и греками очень условная, так как «на самом деле, они не имеют от них ни языка, ни искусства» и потому в отличие от греков «варвары». Вместе с тем, интересно сравнить критерии «варварства» в представлении жителя Московского государства и иностранных поданных в России. Со стороны москвитов, по данным сочинений иностранцев, это однозначно конфессиональный критерий, принадлежность к православной церкви и ее ценностям, тогда как со стороны европейцев – это не только конфессиональный критерий, содер-

жащий ценности христианской церкви, но и светский элемент – развитие наук и организаций (школ, колледжей, университетов), занимающихся сбором, анализом и систематизацией знаний о естественном мире и обучением населения. Кроме образования, Коллинс отмечает, что ограниченность московитов заключается в том, что они не только не имеют возможности просвещать умы свои науками, но и не «могут выезжать за пределы своего отечества»²⁸, в отличие от поляков, которые виделись ему более образованными, но не менее приятными. Помимо знаний, Олеарий, Коллинс и Винтсен упоминали о навыках, отсутствовавших у московитов, в частности, умение вести диспут и дискуссию на религиозные и нерелигиозные темы, правила поведения за столом и приема гостей и т. д.

Описывая поведение московитов за столом, они сравнивали их с европейскими крестьянами: «по поведению они похожи на наших крестьян»²⁹, «как же некрасиво они едят! сидят хуже, чем самый неотесанный наш крестьянин»³⁰. По отношению к произведениям живописи и музыки они использовали такие определения, как «некрасивый», «уродливый», «наивно и неискусно, как это обычно в произведениях их живописи»³¹, «грубость звуков», «такой концерт, какой слышать можно только на *кошачьих свадьбах*», «пляски их так грубы, как наши *трэнсмер*»³².

При отображении религиозной жизни московитов мы также встречаем отрицательные характеристики: «Не молятся, а только крестятся», «после окончания поста снова грешат, чтобы было о чем молиться»³³, «удивила странная манера русских креститься, кланяться и молиться»³⁴. Взгляд на «ложную» религиозность населения московского государства – еще одно общее мнение Олеария, Витсена и Коллинса. Авторам не только не понятен обряд, но главное они не увидели смысла и глубину осознания религиозных основ и ценностей московитами, и даже отказывали им в этом. Витсен и Коллинс были протестантами и, естественно, что для них наличие икон и тем более увешивание их ценными вещами в знак благодарности святому за спасение и выполнение просьбы, рассматривалось как элемент язычества и «варварства».

Еще одним аргументом в пользу «варварского» уровня развития Московского государства служило наличие крепостного права (в иностранных источниках «рабство»). Дополнялось это положение отсутствием законов, защищавших честь и достоинство личности перед государством. Оно было представлено в единственной неразделенной фигуре московского царя, перед которым любой человек, находящийся на территории страны, был лишь рабом и холопом великого государя. Для Европы с сословными правами и привилегиями отсутствие понятия «права» и «привилегия» толковалось как архаичное.

Наличие запретов со стороны царской власти в передвижении и общении с местным населением у иноземцев, начальный уровень знаний русского языка, а также различные трудности во время самого пребывания оказывали значительное влияние на характер восприятия московского общества. Согласно анализу документов, выстраивание оценки зачастую происходило на основе впечатлений от отдельных работников приказов и высшей бюрократии, купечества и духовенства, с которыми по воле случая европейцам пришлось встретиться по дороге в Москву или в самом городе. Коллинс после возмущенных строк о невозможности понять московитов пишет, что «между ними много добрых людей»³⁵, «те, которые расширили понятия свои разговором с иностранцами, образованнее; также и те, которые видели польский быт, хотя он мне и не слишком нравится»³⁶. Кого же имел в виду Коллинс? И что он понимал под «добрыми людьми»?

К «добрым» людям он относил главу Посольского приказа А. Л. Ордина-Нащокина. Среди его заслуг Коллинс отмечал мир на выгодных условиях с Польшей и союз со Швецией, оживление торговли шелком в России, преобразование русских законов. А среди качеств – неподкупность, неутомимость во всех делах, приверженность к монархии и симпатию к англичанам. Коллинс дает Нащокину следующую характеристику: «Великий политик, очень важный и мудрый государственный министр и, может быть, не уступит ни одному из министров европейских»³⁷. Соответственно «добрые люди», к которым был отнесен Нащокин, не являются «варварами», а скорее наоборот. Будучи врачом, он писал, что Нащокин отказался впускать английские корабли с товарами в Архангельск на основании сообщений о чуме в Европе. Вместе с тем, Коллинс не жалуется А. С. Матвеева, другого главу Посольского приказа. Описывая его «неприличные» связи с польскими женщинами из Немецкой слободы, автор проговаривался, что в отличие от Нащокина, «он, получая много денег от голландцев, не любит англичан»³⁸.

Суммируя рассуждения Коллинса, можно выделить следующие критерии «не варварства»:

- европейский быт;
- владение информацией о европейских странах;
- способность содержательно общаться с иностранцами, что требует знаний иностранного языка, этикета и законов;
- открытость страны для въезда и выезда его жителей.

Олеарий отмечал, что в Московском государстве нет недостатка в хороших головах: «Между ними встречаются люди весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью»³⁹. При этом, особое внимание он уделил думному дьяку Алмазу Ивановичу, который «побывал в Персии и Турции и в короткое время так изучил языки этих стран, что теперь может говорить с людьми этих наций без переводчика»⁴⁰. Скорее всего для Олеария Алмаз Иванович не являлся «варваром», однако что здесь считать критерием «не варварства» не совсем ясно, либо знание иностранных языков, либо наличие таланта, развитой памяти, или и то, и другое вместе. Оговорки Коллинса и Олеария, прямая конфронтация частных примеров с обобщенным представлением о москвичах подтверждают наличие у них стереотипных установок о «варварстве» жителей Московского государства до знакомства с ними.

Коллинс, девять лет проживший в Москве, дал более негативную оценку поведению москвитов, чем Олеарий и Витсен, которые несколько месяцев пробыли на территории Московского государства. С одной стороны, можно предположить, что долгое время проживания помогло ему глубже познакомиться с образом жизни москвитов. С другой, в случае с Коллинсом возможен и политический мотив. Отношения с Англией во второй половине века заметно ухудшились, что могло сказаться и на характере опубликованного им материала.

Картина была бы неполной, если бы мы не упомянули и мнения других источников о Москве XVII в. В них, как правило, авторы не заостряли внимание на отсутствие манер, знаний иностранных языков, университетов, неумения проводить досуг и т.д. Самуил Бельский, даже описывая несовершенство оружия москвитов, отметил мужество московских воинов. Данные «вспомогательных» источников дают основания предположить, что оценка или стереотип связаны еще с социальным положением автора и целями написания самого труда.

Таким образом, проведенный анализ показал, что категория «варварство» использовалась далеко не во всех иностранных сочинениях. У Олеария, Коллинса и Витсена, «варварство» относилось к оценке организации быта, образования, характеру коммуникаций в обществе, наличию законов, определяющих права всех граждан государства и определенных привилегий перед главой государства у высших сословий. Больше всего европейцы негативно реагировали на информационную изолированность и малую грамотность москвитов, а также незнание ими иностранных языков, что препятствовало свободному общению и, конечно, адекватному взаимному восприятию.

Термин «варварский» раскрывается в сочинениях через следующие определения: «грубый», «неискусный», «простой», «некрасивый», через сравнения с европейской крестьянской культурой, которая являлась недостойной для высшего образованного и благородного круга. Критерий оценки московского общества у Олеария, Коллинса и Витсена – европейская постренессансная действительность, с ее отчасти механистическим толкованием природы и даже общества.

Исходя из данных, полученных в ходе анализа сочинений европейцев, побывавших в Московском государстве в период царствования первых Романовых, можно сделать вывод о существовании стереотипного представления о «варварстве» москвитов и их культуры у определенного слоя иностранцев, получивших высшее образование и имевших высокий социальный статус на родине. Вместе с тем следует указать на присутствие объективных условий для существования и поддержания архаичных феноменов в официальной и повседневной жизни Московского государства, таких как отсутствие сословной социальной структуры, неразделенность светского и религиозного мировоззрения, неразвитость экономики и коммуникации внутри страны.

Тем не менее любопытство иностранных авторов и желание познакомиться с «чужой» действительностью неизбежно вносило в общую картину «варварства» московского общества дополнительный аспект и нередко даже конфронтировало с их собственными выводами о полной безграмотности населения, тотальном незнании иностранных языков, неразвитостью искусств и т.д. Современные исследования психологов приводят к мысли о том, что если данные наших органов чувств противоречат нашему представлению о себе, то эти данные неизбежно искажаются. Говоря другими словами, мы неспособны видеть все то, что до нас доносят органы чувств, а лишь то, что

соответствует нашему представлению о себе⁴¹. По мнению Р. Мэя, если отрицательная оценка позволяет повысить собственную самооценку, то человек останавливается на ней, не вдаваясь в исследование реального события или человека⁴². Можно предположить, что иностранцы также не могли видеть истинную глубину, коммуникативные и интеллектуальные способности московского человека, так как данные факты выходили за границы их мировоззрения и личных представлений и ожиданий. Из анализируемых источников видно, что краем границы восприятия были, скорее всего, религиозные воззрения, европоцентризм, ренессансные идеалы устройства общества авторов текстов.

Примечания

¹ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). М., 2004. С. 46.

² Там же. С. 45, 52.

³ Оларий А. Описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию. М., 2003 [электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Olearij/text7.phtml?id=1032> (проверено 11.01.2010).

⁴ Коллинс С. Нынешнее состояние России // Утверждение династии. М., 1997 [электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Collins/text2.phtml?id=716> (проверено 11.01.2010).

⁵ Витсен Н. Путешествие в Московию Николааса Витсена // Николаас Витсен. Путешествие в Московию. СПб., 1996 [электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Vitsen/pred.phtml?id=271> (проверено 11.01.2010).

⁶ Дневник 1609 года Самуила Бельского // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 6. М., 1846 [электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Belskij/text.phtml?id=136>. Точное авторство до сих пор не установлено. См. заметку по этому поводу: *Бельский «Предисловие»* [электронный ресурс]. Там же.

⁷ Бреретон Г. Известия о нынешних бедах России, происходивших во время последней войны. СПб., 2002 [электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Brereton/pred.phtml> (проверено 11.01.2010).

⁸ Велевицкий Ян. Дневник иезуита Яна Велевицкого о событиях Московских // Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М., 1991 [электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Velevickij/text.phtml?id=291> (проверено 11.01.2010).

⁹ Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000 [электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Videkind/pred2.phtml?id=356> (проверено 11.01.2010).

¹⁰ Бурх А., Фелдтриль И. Посольство А. Бурха и И. Фелдтриля в 1630 и 1631 гг. // Донесения посланников республики соединенных Нидерландов при русском дворе. Отчет Альберта Бурха и Иогана ван Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг. с приложением очерка сношений Московского государства с республикой соединенных Нидерландов до 1631 г. СПб., 1902 [электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Burch/framepred1.htm> (проверено 11.01.2010).

¹¹ Бреретон. Г. Указ соч.

¹² Там же.

¹³ Белова О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование): автореф. ... д. филол. наук. М., 2006 [электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/belova10.htm> (проверено 11.01.2010).

¹⁴ Шишилов А. В. «Свои», «чужие» и другие. М., 2008. С. 76.

¹⁵ Белова О. В. Указ. соч.

¹⁶ Витсен Н. Указ. соч.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Оларий А. Указ. соч.

²¹ Там же.

²² Коллинс С. Указ. соч.

²³ Там же.

²⁴ Витсен Н. Указ. соч.

²⁵ Коллинс С. Указ. соч.

²⁶ Оларий А. Указ. соч.

²⁷ Коллинс С. Указ. соч.

²⁸ Там же.

²⁹ Витсен Н. Указ. соч.

³⁰ Там же.

³¹ Оларий А. Указ. соч.

³² Коллинс С. Указ. соч.

³³ Витсен Н. Указ. соч.

³⁴ Там же.

³⁵ Коллинс С. Указ. соч.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Оларий А. Указ. соч.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994. С. 153–171.

⁴² Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М., 2000, С. 83.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.02.2010